

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ. 2019–2020 уч. г.
ШКОЛЬНЫЙ ЭТАП. 11 КЛАСС

Задания, ответы и критерии оценивания

I. [35 баллов] «ПОЭЗИЯ ДЛЯ ГЛАЗА»

*Этой штукой, гремя и звеня, бьёт частенько супруга
меня.*

В литературе давно известны формы фигурных текстов. Симеон Полоцкий написал стихотворения в форме звезды и сердца, а Г.Р. Державин – в форме пирамиды и гробницы. Не всегда темы таких стихотворений серьёзны. Например, приведённый слева текст – пародия Евг. Венского «Загадка» на подобные попытки Ивана Рукавишникова.

1. [5 баллов] Отгадайте загадку.
2. [30 баллов] Напишите стихотворный или прозаический текст (серьёзный или смешной), расположив его на листе в виде условного изображения (выберите один из вариантов):

а) солнца; б) переплёта оконной рамы; в) лица человека.

При оценивании учитываются связь формы и содержания, стиль и образность.

Ответ:

1. [5 баллов] Кочерга.
- 2.

Критерии оценивания	Баллы
Связь формы и содержания	15
Образность	10
Единство стиля текста	5
<i>Итого</i>	30

II. [40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 400–450 слов.

Вариант 1. Прозаический текст

Юрий Маркович Нагибин (1920–1994)

ЗАБРОШЕННАЯ ДОРОГА

Был ли в яви или только приснился мне этот странный мальчик, овеванный нежностью и печалью нездешности, как маленький принц Антуана де Сент-Экзюпери? Я знаю, что он был, как было и булыжное шоссе, заросшее подорожником, лопухами, репейником, конским щавелем, чайной ромашкой; но даже если б этот мальчик принадлежал сну, он затронул мою душу неизмеримо сильнее многих других людей, чья грубая очевидность не вызывает сомнения.

Часто бывает, что чудеса находятся возле нас – протяни руку и возьми, а мы и не подозреваем об этом! Тот день начался с маленького чуда: оказалось, низинный, сыроватый ольшаник, примыкавший с севера к дачной ограде, сказочно богат грибами свинушками. Грибы стояли в лезвистой осоковой траве не то что табунками, они сливались в сплошные изжелта-бурые поля. Маленькие подсвинки с белой подкладкой аккуратных круглых шляпок соседствовали с гигантами, похожими на вывернутые ветром зонтики, каждая воронка хранила каплю росной влаги. Я набивал свинушками рубаху, бегом относил их домой и возвращался в лес.

Помимо грибов, ольшаник кишмя кишел лягушками; не раз, протягивая руку к ножке гриба, я касался противно-холодного тела, мгновенно проскальзывающего под пальцами. Можно было подумать, что грибы и лягушки пребывают в некой таинственной связи, обеспечивающей им избыточное бытие.

Как и всегда бывает во время счастливого грибного промысла, я становился всё разборчивее: меня уже не радовали большие, квелые грибы, я срывал лишь маленькие, резиново-твёрдые, затем уже среди них я стал выбирать самые ладные и чистенькие крепыши. Эти разборчивые поиски завели меня в глубь леса. Грибов вскоре стало куда меньше, затем они и вовсе исчезли, но я не жалел об этом, пресыщенный чрезмерностью удачи. Меня увлекло странствие по незнакомому лесу, менявшему свой облик по мере удаления от дачи. Низина сменилась возвышенностью, почва под ногами окрепла, и болотные травы уступили место папоротникам и хвощам. А затем сумеречный, веющий сыростью и прелью ольшаник и вовсе сошёл, светло, молочно забелели берёзы, жемчужно заяснили осины, под ними шёлково натянулась густая, низкая трава, задымились столбы солнечного света, косо павшие на лес.

Я вытряхнул грибы из рубашки и надел её на себя, безнадежно замаранную, приятно и остро пахучую от свинушек, и двинулся дальше. Радостно-тревожное чувство владело мною: я знал, что ушёл не так уж далеко и всё же куда сильнее оторвался от дома, чем если бы забрел в последнюю даль по знакомой, проторённой тропке. Загадочен был этот светлый, чистый берёзовый и осиновый лесок, выкроивший себе немалую площадь посреди ольшаника. Ведь ни берёзы, ни осины не имели выхода в простор. Я хорошо знал окрестность: и со стороны Дмитровского шоссе, и со стороны нашей дачи, и со стороны кочкастого болота, тянущегося за горизонт, лесные опушки были сплошь ольховые.

Чем дальше я шёл, тем плотнее росли деревья, узкие прозоры между ними забил валежник, трава поднялась, стала в пол моего роста, а стройные, розовые, похожие на свечи цветы вознеслись куда выше мой головы, и всё труднее пробираться вперёд, и чуть посмеркло, потому что дымно-голубые столбы не могли пробиться сквозь теснотищу куп. И тут я набрёл на этого мальчика, и свершилось главное чудо дня.

Небольшой, худенький, с узким лицом, загороженным круглыми очками в толстой черепаховой оправе, он полол, словно огородную гряду, невесть откуда взявшееся тут густо заросшее булыжное шоссе. Он уже расчистил довольно широкую полосу, и там плотно, крепко круглились сероватые в просинь и розоватость лобастые булыжники, а дальше шоссе терялось в густой поросли сорняков. Мальчик не только полол шоссе, он укреплял его по краям, вколачивая самодельной трамбовкой булыжники в гнезда.

– Здравствуй, – сказал он, обернувшись и доброжелательно глядя на меня большими коричневыми глазами из-за круглых плоских стёкол оконной прозрачности.

– Здравствуй, – отозвался я. – Зачем ты носишь очки? У тебя же простые стекла.

– От пыли. Когда ветрено, дорога пылит, а у меня конъюнктивит, – пояснил он с гордостью.

– А что это за дорога? Я никогда её раньше не видел.

– Не знаю... Ты не хочешь мне помочь?

Я пожал плечами и, нагнувшись, выдрал куст чертополоха с тёмно-красными цветами и цепкими шипиками. Затем я потащил какое-то длинное растение с сухими тёмными коробочками семенников, будто наполненными ватой. Растение не поддавалось, вцепившись в землю длинными волосяно-тонкими корнями. Я изрезал ладони, пока наконец вырвал его из земли. Да, это была работка! Недаром же у очкастого мальчика руки были в кровавых ссадинах. Мой пыл разом угас.

– Слушай, а зачем тебе это нужно? – спросил я.

– Ты же видишь, дорога заросла. – Он говорил, стоя на коленях, и щепкой выпарывал из земли какой-то корень. – Надо её расчистить.

– А зачем? – упорствовал я.

– Ну как же!.. – У него был вежливый, мягкий и терпеливый голос. – Цветы и травы своими корнями разрушают дорогу. Раньше булыжник лежал к булыжнику, а теперь видишь какие щели!..

– Я не о том!.. Зачем надо, чтобы она не разрушалась?

Он осторожно, за дужку, снял очки, ему хотелось получше рассмотреть человека, задающего такие несуразные вопросы, а припылившиеся стекла только мешали. Его не защищённые очками глаза оказались в еле приметном красном обводе, будто кто-то провел по векам тончайшей кисточкой. Видимо, это он и называл так звучно: «конъюнктивит».

– Если дорога разрушится, она исчезнет, и никто не узнает даже, что тут была дорога.

– Ну и чёрт с ней! – сказал я раздражённо. – Она всё равно никуда не ведёт!

– Все дороги куда-нибудь ведут, – сказал он с кроткой убеждённой и, водворив очки назад, принялся за работу. – Посуди сам, разве стали бы её строить, если б она никуда не вела?

– Но раз её забросили, значит, она не нужна?

Он задумался, чуть перекосив худенькое лицо, и даже перестал выдергивать цветы и травинки, в его коричневых глазах появилась боль – так трудно вложить в чужую душу самые простые и очевидные истины!

– Разве мы знаем, почему дорогу забросили?.. А может быть, кто-то на другом конце тоже пробует её расчистить? Кто-то идёт мне навстречу, и мы встретимся. Нельзя дорогам зарастать, – сказал он твёрдо. – Я обязательно её расчищу.

– У тебя не хватит сил.

– У меня одного – нет. Но кто-то идёт мне навстречу и, может быть, прошел уже полпути...

– Далась тебе эта дорога!

– Дороги – это очень важно. Без дорог никто никогда не будет вместе.

Смутная догадка шевельнулась во мне:

– У тебя кто-нибудь уехал далеко?

Он не ответил и отвернулся.

– Я буду тебе помогать! – неожиданно для себя самого вскричал я.

– Спасибо! – сказал он искренне, но без излишней горячности. – Приходи сюда завтра утром, сегодня уже поздно, пора домой.

– А где ты живёшь?

– Там... – махнул он на чащу, поднялся, вытер ладони пучком травы, спрятал очки в карман, в последний раз погрузил меня в доброту своих коричневых глаз и пошел прочь, перепачканный, усталый, щедушный, непреклонный дорожный строитель, и вскоре скрылся за кустами жимолости.

На другой день ни свет ни заря я устремился в лес. Непролазный, оплетённый долгими травами ольшаник в туманном выпоте, густых испарениях, оседавших влагой на коже, походил не то на джунгли, не то на дно

схлынувшего моря. Ночью шёл дождь, он дал могучий прирост всей жизни в природе: вытянулись, ярче зазеленели осоты; свинушки, будто я и не произвёл вчера опустошения, так и перли из травы свежей прожелтью; в каждой лягушке скрывалась заколдованная принцесса – так были они величавы, исполнены надменности и нежелания посторониться.

Я мчался сквозь ольшаник, сам мокрый с головы до пят, охваченный жгучим нетерпением и умилённым предвкушением встречи с мальчиком на заросшем булыжном шоссе, – его вера уже стала моей верой. Я был уверен, что без труда отыщу шоссе, ведь это так просто: всё прямо и прямо сквозь ольшаник, берёзовый и осиновый редняк в другой берёзовый лесок, забитый буреломом, и там обнажится чистая полоска синеватого и розового булыжника.

Я так и не нашёл заброшенного шоссе. Всё было похоже на вчерашнее: и деревья, и травы, и валежник, и репьевые заросли, и розовые свечи высоких цветов, но не было ни шоссе, ни мальчика с коричневыми глазами. До заката мыкался я по лесу, измученный, голодный, с иссеченными травой и сушняком ногами, но всё было тщетно...

Мне никогда уж не попадалось ни заброшенного шоссе, ни проселка, ни даже стёжки, что нуждались бы в моём спасающем труде. Но с годами я по-иному понял наставление мальчика. В моём сердце начиналось много дорог, ведущих к разным людям: и близким, и далёким, и к тем, о ком ни минуты нельзя забыть, и к почти забытым. Вот этим дорогам был я нужен, и я стал на вахту. Я не жалел ни труда, ни рук, я рвал напрочь чертополох, и крапиву, и всю прочую нечисть, не давал сорнякам глушить, разрушать их, превращать в ничто. Но если я преуспевал в этом, то лишь потому, что всякий раз с другого конца дороги начиналось встречное движение. Лишь одну, самую важную дорогу не дано мне было спасти, быть может, потому, что никто не шевельнулся мне навстречу.

<1979>

Вариант 2. Поэтический текст

Юнна Петровна Мориц (род. 1937)

ПАСЕКА ЖИЗНИ

Ночь прилетает пчёлками звёзд,
Мёдом небесным полна глубина,
Мёдом луны золотится волна,
Мёдом волны отражается мост,
Мёд фонарей в стеклоте пузырей, –
Пасека жизни мёдом полна,
Мёд отражений, свет из окна
В нём отражается!.. Это – она,
Пасека жизни, створчатый воск
С творческих створок, скороговорок
С мёдом небесным – сквозь мрак или морок,
С мёдом луны, что задаром, за так
Пасечник Бог раздаёт человекам,
Жизни волокнам, окнам и рекам,
С творческих створок – сквозь морок и мрак!

<1990-e>

Для удобства оценивания предлагаем ориентироваться на школьную четырёх-балльную систему. Так, при оценке по первому критерию 0 баллов соответствуют «двойке», 5 баллов – «тройке», 10 баллов – «четвёрке» и 15 баллов – «пятерке». Безусловно, возможны промежуточные варианты (например, 8 баллов соответствуют «четвёрке с минусом»).

Критерии оценивания	Баллы
Целостность проведённого анализа в единстве формы и содержания; наличие/отсутствие ошибок в понимании текста. Шкала оценок: 0 – 5 – 10 – 15	15
Общая логика и композиция текста, его стилистическая однородность. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10	10
Обращение к тексту для доказательств, уместность цитирования, грамотное использование литературоведческих терминов. Шкала оценок: 0 – 2 – 3 – 5	5
Историко-культурный контекст, наличие/отсутствие ошибок в фоновом материале. Шкала оценок: 0 – 2 – 3 – 5	5
Наличие/отсутствие речевых, грамматических, орфографических и пунктуационных ошибок (в пределах изученного в курсе русского языка материала). Шкала оценок: 0 – 2 – 3 – 5	5
<i>Максимальный балл</i>	40

Максимальный балл за все выполненные задания – 75.